

Пасевич Заряна Васильевна

**РУССКИЕ КЛАССИКИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

0-773212

На правах рукописи

Пасевич Заряна Васильевна

**РУССКИЕ КЛАССИКИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000439096

Владивосток – 2008

Работа выполнена на кафедре литературы и культурологии
ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный университет»

- Научный руководитель** доктор филологических наук, профессор
Мехтиев Вургун Гейбат Оглы
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Бузуев Олег Александрович
ГОУ ВПО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет»
- кандидат филологических наук, доцент
Эфендиева Галина Владимировна
ГОУ ВПО «Амурский государственный университет»
- Ведущая организация** ГОУ ВПО «Уссурийский государственный педагогический институт»

Защита состоится «19» ноября 2008 года в 16 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.056.04 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук при Дальневосточном государственном университете по адресу: 690600, Владивосток, ул. Алеутская, 56, ауд. 609.

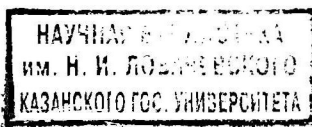
С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Дальневосточного государственного университета по адресу: 690050, Владивосток, ул. Алеутская, 65-а.

Автореферат разослан «16» октября 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е.А. Перушина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено литературно-критическому наследию дальневосточной эмиграции; особое внимание уделяется роли русской классической литературы в эстетическом и культурном самоопределении восточной ветви эмиграции.

Актуальность диссертации определяется необходимостью восстановления целостной картины литературно-критического процесса русского зарубежья. Литературная критика западной эмиграции исследована достаточно подробно (А.И. Горбунова, К.А. Жулькова, О.А. Коростелев, А.Н. Николюкин, Т.Г. Петрова, А.А. Ревякина), что же касается дальневосточной эмиграции, то ее завоевания в области рецепции русской литературы еще не находили систематического осмысления. Создание научно-объективного представления о литературной критике дальневосточной эмиграции позволяет оценить ее вклад в литературный процесс русского зарубежья, установить сходство и различие между эмиграцией и метрополией, расширить сведения о формах литературной жизни дальневосточной эмиграции.

Объектом исследования являются литературно-критические публикации на страницах периодических изданий (журналов «Рубеж», «Луч Азии», газет «Заря», «Рупор», «Русское слово», «Чураевка»), доклады на Днях русской культуры в Харбине, сведения о которых также можно почерпнуть в периодической печати.

Предметом исследования послужила газетная и журнальная критика дальневосточной эмиграции о русской классике, а также Дни русской культуры как специфическая форма функционирования эстетической мысли восточной эмиграции.

Цель работы – определить роль отечественной классики в эстетических и культурно-исторических исканиях восточной эмиграции, а также установить место литературной критики «русского Харбина» в художественном контексте русского зарубежья. Для достижения поставленной цели представляется необходимым решение ряда **исследовательских задач**:

- 1) охарактеризовать роль периодических изданий «русского Харбина» в становлении и развитии литературной критики;
- 2) систематизировать и осмыслить литературно-критические публикации ведущих газет и журналов;
- 3) выявить характер и направленность диалога эмигрантов о классической русской литературе;
- 4) выделить основные вопросы литературно-критических статей о русской классической литературе;
- 5) проследить, личность и творчество каких русских классиков оказало влияние на литературное и культурно-историческое самоопределение дальневосточной эмиграции;

6) охарактеризовать значение А.С. Пушкина в литературной и культурной жизни дальневосточной эмиграции.

Научная новизна работы заключается в том, что литературно-критическая деятельность дальневосточной эмиграции становится объектом специального исследования. В процессе работы собран, научно систематизирован и введен в исследовательский оборот новый историко-литературный материал. Диссертация построена на материале фондов Государственного архива Хабаровского края, Государственного архива Российской Федерации, Российской государственной библиотеки; было исследовано 6570 номеров газеты «Заря», 480 номеров газеты «Русское слово», 960 номеров газеты «Рупор», 47 номеров журнала «Луч Азии». В ходе работы была использована документация Главного бюро по делам российских эмигрантов Маньчжу-Ди-Го, содержащая личные дела эмигрантов. К новизне также относится хронологическое описание Дней русской культуры в Китае и составление библиографии литературно-критических трудов восточной эмиграции.

Положения, выносимые на защиту:

1. Литературная критика «русского Китая» являлась частью литературного процесса русской эмиграции. Весомый вклад в становление и развитие литературной критики дальневосточной эмиграции внесли газеты «Заря» (1920–1943), «Рупор» (1921–1938), «Русское слово» (1926–1935), «Чураевка» (1932–1933), журналы «Рубеж» (1927–1945), «Луч Азии» (1934–1945).

2. В центре внимания газетной и журнальной критики находилось русское классическое наследие, но часто не в качестве самоценного эстетического феномена, а в сложной и неоднозначной связи с политическим, национально-историческим и нравственным самоощущением эмиграции, поэтому в подходе к русской классике преобладал ценностный (идеологический) подход.

3. А.С. Пушкину отводилась главенствующая роль в культурной и литературной жизни дальневосточной эмиграции. Будучи воспринят как символ единения русских без России, он воплотил идею национального праздника зарубежной России. На проводимых Днях русской культуры дальневосточная эмиграция интенсивно размышляла о роли Пушкина в формировании, развитии и сохранении русской национальной культуры.

4. Личность и творчество Пушкина в литературно-критических публикациях осмыслились сквозь призму созданного эмигрантами мифа и вовлекались в сферу мировоззренческого, исторического, политического противостояния эмиграции и метрополии и лишь в последнюю очередь – в круг ее эстетических представлений. В этом отношении восприятие эмигрантами Пушкина было идентичным их восприятию Гоголя, Лермонтова, Достоевского и Толстого.

5. Вслед за русскими философско-религиозными критиками конца XIX–начала XX века, наряду с Пушкиным ключевое значение для эмигрантов

приобрели Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, ставшие для них символом национального и трагически утраченной России. В восприятии эмигрантов русские классики связываются с вопросом о религиозном (православном) мирозерцании русского народа, размышлениями о необычном характере русской истории и, что немаловажно, – со стремлением формулировать свое понимание «русской духовности».

Методологической основой диссертации послужили историко-типологический метод, сочетающий в себе изучение истории литературы, литературной критики и журналистики с элементами культурно-исторического метода, а также историко-функциональные принципы изучения литературы. Теоретическую базу составили исследования по методологии и теории литературной критики (Ю.Б. Боров, А.Г. Бочаров, Б.Ф. Егоров, В.В. Перхин), о специфике газетной литературной критики (В.Н. Коновалов, Л.М. Пивоварова, В.Д. Пельт); труды отечественных и зарубежных специалистов в области истории литературы русского зарубежья – В.В. Агеносова, О.А. Бузуева, Б. Кодзиса, А.Н. Николюкина, О.А. Коростелева, А.Г. Соколова.

Теоретическая и практическая ценность работы состоит в том, что в ней проведено системное исследование литературной критики в рамках периодических изданий «русского Харбина», что позволяет обосновать место этой критики в общем потоке литературы русского зарубежья. Показывается преемственность культурно-исторических и художественно-эстетических поисков эмиграции с традициями русской классики, что свидетельствует об устойчивости и стабильности элементов национальной культуры даже в кризисные для нее эпохи. Практическая ценность работы заключается в том, что в ней уточнена и дана новая хронология Дней русской культуры в Харбине, а также составлена наиболее полная на сегодняшний день библиография литературно-критических трудов восточной эмиграции. Материалы диссертации могут учитываться в исследованиях, посвященных восточной ветви русского зарубежья и русскому зарубежью. Сведения, приведенные в диссертации (круг авторов – литературных критиков, библиографический список их работ, хронология Дней русской культуры, а также время существования одноименного издания), имеют источниковедческое значение; они могут рассматриваться в качестве дополнения к уже существующей «Литературной энциклопедии русского зарубежья. 1918–1940». Материалы и выводы диссертации могут быть использованы также в вузовском образовательном процессе: в общем курсе истории русской литературы и специальных курсах, посвященных литературе дальневосточного зарубежья.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в докладах на Международных конференциях «Языковая политика и языковое образование в условиях межкультурного общения» (Хабаровск, 2006), «Вопросы методологии современного литературоведения» (Хабаровск, 2007),

«Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе: исторический, теоретический и методологический аспекты» (Магнитогорск, 2007); межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного литературного образования» (Уссурийск, 2006). Содержание диссертационного исследования отражено в 6 научных публикациях.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, списка литературы и двух приложений. Объем основного текста – 210 страниц, общий объем работы – 288 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность и научная новизна, определяются цели, задачи, методологическая основа исследования, характеризуется степень изученности проблемы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Художественно-эстетическая мысль в культурном и духовном самоопределении дальневосточной эмиграции» состоит из разделов: «Роль периодических изданий в становлении литературной критики», «Русские писатели XIX века в юбилейных статьях периодики», «Русские классические писатели в философской критике».

Основной вклад в становление и развитие литературной критики в дальневосточной эмиграции внесли периодические издания, в частности, журналы «Луч Азии», «Рубеж», газеты «Заря», «Рупор», «Русское слово», «Чураевка».

В литературно-художественном журнале «Рубеж» (1927–1945) публикации литературоведческого и литературно-критического характера появлялись нерегулярно. Выпуском юбилейных номеров журнала были отмечены памятные даты А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Блока. Единичные статьи были посвящены 20-летию со дня смерти Л.Н. Толстого и Н.С. Гумилева, 40-летию со дня смерти А.П. Чехова. В «Рубеже» регулярно функционировал критико-библиографический раздел, где авторство многих материалов принадлежало Н.С. Резниковой. В ее рецензиях освещались книги, вышедшие как в Восточной Азии, так и в западных центрах русского рассеяния. Критериями оценки художественного произведения у Резниковой выступали четкость образов, точность фразы, сжатость, художественная правда, гуманистическая направленность произведения. Особое значение она придавала преемственности писателя с традициями русской классической литературы.

В журнале «Луч Азии» (1934–1945) существовал отдел литературы и поэзии, где печатались стихи А. Несмелова, А. Ачаира, М. Шмейсера, рассказы Д. Загоскина, А. Рамбаева. Одновременно здесь появлялись критико-биографические очерки о русских классиках. Среди постоянных авторов можно назвать А. Вележева, М. Талызина, М. Шапиро. В журнале также печатались известные в среде эмиграции Н. Арсеньев, Н. Байков, В. Горохов, В. Логинов, Н. Рогов, К. Сабуров, М. Томилин.

В 1942 году в «Луче Азии» появился раздел «Литературная студия». Его создание было связано с деятельностью Литературной студии Объединения молодежи. В диссертации приводятся сведения об этой организации, до настоящего времени не вписанной в хронику литературной жизни «русского Харбина». Со своими первыми поэтическими опытами в «Луче Азии» выступили Н. Вохтина, Е. Даль, А. Кондратович, А. Брасова и др. Кроме того, в журнале публиковались статьи по теории литературы, призванные повлиять на формирование эстетической позиции «младшего» эмигрантского поколения. Значимую роль в этом процессе сыграл А. Ачаир.

В газете «*Чураевка*» (1932–1933), являвшейся печатным органом одноименного литературного объединения Харбина, также появлялись литературно-критические материалы. Здесь обсуждались литературные новинки, рецензировались номера журналов «Клин» (Харбин), «Числа» (Париж), «Парус» (Шанхай); публиковались статьи, тесно соприкасавшиеся с проблематикой докладов, обсуждавшихся на беседах «У зеленой лампы» при литературном объединении: о А. Белом и М.Ю. Лермонтове, о Ф.И. Тютчеве, И.А. Бунине и других русских писателях.

Характерным явлением в дальневосточной эмиграции стало появление литературно-критических публикаций на страницах ежедневных газет. В газете «*Рупор*» (1921–1938) с июля 1930 по сентябрь 1931 года действовал раздел «Литература, критика, книжное дело». В газете освещалась литературная жизнь эмиграции и метрополии. Среди постоянных критиков раздела можно назвать харбинцев – М.Л. Шапиро, А.И. Несмелова, Н. Горбунову, а также западных эмигрантов – В. Унковского (Париж), П. Пильского (Рига). Журналист Ю.Г. Сатовский-Ржевский выступал с обзорами современных исследований, посвященных изучению русской классической литературы. Газета освещала деятельность эмигрантских литературных объединений – «Кочевья» (Париж), «Зеленой лампы» (Париж), «Понедельника» (Шанхай), «Чураевки» (Харбин). Но «Чураевке» отводилось особое место, так как существование и развитие молодой эмигрантской литературы Восточной Азии было связано именно с этим объединением.

Литературно-критический отдел существовал и в «*Русском слове*» (1926–1935). Отсутствие полного комплекта газеты в ГАХК и в ГАРФ не позволяет точно установить время создания этого отдела. Он перестал существовать в апреле 1931 года. Раздел «Критика, литература, искусство» выходил в виде пятничного приложения и состоял из рецензий на русские (эмигрантские и советские) и западноевропейские произведения. Особый интерес к иностранной литературе отражала рубрика «Хроника иностранной литературы». Здесь с критическими статьями выступали Е.Д. Воейкова и М.Л. Шапиро. Наряду с местными авторами в газете публиковались А. Амфитеатров, Н. Городецкая, Ю. Сазонова.

Широкий диапазон литературно-критических материалов был представлен в газете «*Заря*» (1920–1943) – литературные портреты русских классиков, некрологи, публицистические эссе, воспоминания, отзывы одного

писателя о другом. Постоянными сотрудниками «Зари» в разные годы являлись – Л.С. Астахов (1930–1934), С. Курбатов (1934–1935), Н.С. Резникова (1941–1943), Г.Г. Сатовский-Ржевский (1929–1938), Ю.Г. Сатовский-Ржевский (1941–1942). Во избежание путаницы отметим, что у Г.Г. Сатовского-Ржевского было три сына (Григорий, Юрий, Дмитрий), которые также занимались журналистикой.

В диссертации существенное внимание уделяется литературно-критической программе Н.С. Резниковой, поскольку именно она чаще, чем другие, выступала с литературной критикой в периодике Харбина.

Критик настаивает на принципиальной невозможности объективного отражения мира в искусстве, и потому критерием качества художественного произведения выступает «значительность жизни или чувств, которые художник преобразует в своем творчестве». На взгляд Резниковой, литература должна быть тесно связана с жизнью и отзываться на вопросы, которые ставит время. Руководствуясь этим требованием, она выделяет метод «отражения жизни»: «Певцы «жизненного отражения» бесконечно разнообразны и не похожи друг на друга, у них у всех есть лишь общность в том, что метод их требует – оправдания жизненного процесса. Не отрицая злобы, мрака и хаоса, эти писатели верят в вечный и побеждающий процесс жизни» (Заря, 1943, 8 фев.). Отдельная статья Резниковой была посвящена значению критики. Главной задачей при изучении творчества писателя является постижение «цельной творческой личности художника», определение его «духовной творческой природы», «выявленной в стиле его произведений». Задача критика по отношению к читателю – «помочь воспринять форму художественного произведения, а в форме раскрыть внутренний смысл, жизненную мудрость художника, которая поможет читателю жить и понимать жизнь». В то же время критика, по убеждению Резниковой, является не только разъяснением художественного произведения, но и творчеством, в котором раскрывается личность пишущего (Заря, 1942, 27 июля).

Основные представления дальневосточной эмиграции о русских писателях были сосредоточены в периодических изданиях, где трудно было встретить развернутые историко-литературные характеристики. По этой же причине востребованным жанром критики являлась юбилейная статья. Она давала возможность рассматривать биографию и элементы творчества классиков сквозь призму тревожной для эмигрантов современности. В рамках этого же жанра легче было увлечься публицистикой. Обращение эмиграции к русской классической литературе нужно рассматривать в качестве необходимой для них потребности в собирании и утверждении своей национально-культурной памяти.

Имена некоторых классиков (например, Г.В. Державина, Д.И. Фонвизина, И.А. Крылова, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, И.А. Гончарова, А.И. Некрасова) упоминались случайно. Но выделяются писатели, обращение к которым было чуть ли не систематическим и

жизненно заинтересованным: А.С. Грибоедов, К.С. Аксаков, А.В. Кольцов, А.Н. Островский, И.С. Тургенев. Сделанный эмигрантами выбор стал отражением их общественного и духовного самосознания.

Основное внимание дальневосточные авторы уделяли проблеме «современности» русской классики. Интересным в этом отношении представляется восприятие Дм. Невским комедии «Горе от ума»: «Почти через сто лет после написания комедии мы увидели семейство Фамусовых и его гостей в повседневной жизни, такими, как они были в действительности. И, странное дело, – теперь мы не только не испытываем при этом зрелище «миллиона терзаний», бушевавших Чадского, но, напротив, невольно проникаемся известной долей симпатии к этим поразительно цельным и непосредственным натурам» (Рупор, 1929, 5 фев.). Патриархальное прошлое России созерцается издалека в совершенно ином смысловом плане. Грибоедову также были посвящены статьи А.В. Петрова и М.Л. Шапиро (Луч Азии, 1945, №5/131).

В критико-биографическом очерке К.И. Зайцева «Памяти Константина Аксакова» выделяются исторические опыты Аксакова, ставшие основой «национально-почвенной историософии славянофильства» (День русской культуры. Харбин, 1942). Неслучайно проводимая в работах Аксакова мысль о «неотделимости России от православия» стала основой концепции русской культуры в дальневосточной эмиграции. Другой эмигрант, Дм. Невский, в статье «Забытая годовщина» определил место К.С. Аксакова в системе духовных ценностей русского народа как исключительное, как показатель «пробуждения подлинного национального самосознания русского общества и первую попытку научно обосновать его» (Заря, 1942, 14 апр.).

Интересны материалы о Тютчеве. Некоторые из них можно отнести к достижениям литературно-критической мысли восточной эмиграции. В 1942 году вышел очерк Н. Резниковой о поэте. «Маг, астролог и тайновидец, а в свои обычные часы дипломат, политик и царедворец», – так определяет она Тютчева. Критик смело устанавливает связь между политическим самочувствием Тютчева и образной системой его философской лирики – подход, который можно назвать оригинальным (Заря, 1942, 27 апр.). Н. Петерс, в свою очередь, стремился постичь «внутреннюю онтологическую» сущность поэзии Тютчева. С докладом о Ф.И. Тютчеве на собрании литературно-художественного кружка им. Августейшего поэта К.Р. в 1939 году выступил также А.И. Коробов. Интерес доклада в сугубо художественном внимании к тютчевской поэзии, к ее философскому содержанию, что для харбинской эмиграции скорее было редкостью, чем правилом.

Эмигранты с особой нежностью отнеслись к А.В. Кольцову. Они видели в нем полное проявление духа и таланта русского народа. 100-летие со дня смерти А.В. Кольцова было отмечено критико-биографическими очерками Н.С. Резниковой и Г.Г. Сатовского-Ржевского. Н.С. Резникова увидела достижение Кольцова в том, что поэт передал в стихах «простую

правду духовной жизни русского человека» (Заря, 1942, 30 окт.). Интимной была статья «Кольцов, Митроша и я» Г.Г. Сатовского-Ржевского, в которой он вспоминал о своих детских годах, проведенных на родине поэта, в Воронеже, о прогулках в Кольцовском сквере, «литературных беседах с другом Митрошей», декламации стихов «перед его (Кольцова) мраморным лицом» (Заря, 1934, 20 нояб.). В «Заре» также была напечатана статья известного писателя и критика, проживавшего в Италии, А.В. Амфитеатрова «Кольцов и Есенин», которую можно назвать событийной.

Кольцов, по мнению автора, принадлежал к типу людей религиозных, «и к религиозности их, как к центральному устрой души, примыкали, с одной стороны, житейски здравомысленная хозяйственность, с другой – такой же здравомысленный духовный эстетизм, способный в высшей степени к восприятиям естественной красоты в человеке и природе и к здравому на нее отклику». Есенин же, на взгляд Амфитеатрова, был простонародным по классу, но не народным по духу и настроению. Время показало, что искренний и честный Есенин не был рожден для «пролетарского мундира», и, «предсмертно, из мнимо крестьянского поэта откровенно выглянул разочарованный, с душою вдребезги разбитую, поэт-интеллигент» (Заря, 1934, 18 нояб.). Несколько резкие, но по существу верные определения Амфитеатрова могли бы стать основой для сравнительной характеристики поэтических систем двух русских «крестьянских» поэтов.

В связи с 50-й годовщиной со дня кончины И.С. Тургенева по инициативе правления Общества библиотеки в Коммерческом собрании был устроен вечер памяти писателя. С докладом «Отцы и дети» от Тургенева до наших дней» выступил Е.Х. Нилус. Он охарактеризовал Тургенева как «русского писателя-европейца, сообщившего русской литературе мировой характер». В Базарове Нилус увидел «предтечу будущих русских революционеров» (Заря, 1933, 23 сент.). В статье «Трагедия одиночества» редактор журнала «Луч Азии» А.П. Вележев размышлял о личной и творческой судьбе Тургенева. Роковыми в жизни писателя, по мнению Вележева, стали «безволие и одиночество». С. Курбатов в статье «Сила тургеневской земли» выступил против восприятия Тургенева как художника-историка XIX века, якобы создавшего лишь галерею общественных типов. Напротив, Тургенев интересен своей способностью отображать все «русское»: русскую природу и женскую стихию (Заря, 1934, 9 сент.).

Среди юбилейных материалов выделяются статьи, посвященные А.П. Чехову. Особо следует отметить воспоминания писателя-натуралиста Н.А. Байкова «Встреча с А.П. Чеховым», не вошедшие в мемуарную литературу о русском классике. Воспоминания были опубликованы в 1945 году в журнале «Луч Азии». В газете «Русское слово» вышла статья «Антон Чехов» А.В. Амфитеатрова, где он исследует природу чеховского смеха. Критик доказывал, что у Чехова был пушкинский смех.

Но в эмигрантской печати встречаются случаи, когда критика словно бы устраняет свою субъективность, освобождает творчество некоторых

русских писателей для его собственного объективного смысла. В рамках такого подхода формируются и развиваются жанровые элементы уже существующей в русской мысли философской критики. Наиболее продуктивным в среде дальневосточной эмиграции оказалось философско-художественное осмысление творчества Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, олицетворяющие для эмиграции национальную культуру и национальную судьбу русского народа.

Оценка личности и творчества Гоголя рассматривается на материале статей С. Кузнецова, С. Курбатова, Н. Покровского, Н. Резниковой, М. Шапиро, а также А. Амфитеатрова. Обращение к статьям Амфитеатрова обусловлено тем, что этот известный критик, публицист и писатель, проживавший в Италии, сотрудничал с харбинской газетой «Заря» и публиковал в ней свои работы. Важным представляется то, что эти статьи до сих пор не введены в научный оборот. Кроме того, данная в статьях Амфитеатрова оценка в общих чертах едина с суждениями дальневосточных эмигрантов.

В харбинской периодике были представлены две интерпретационные версии: религиозно-мистическая (С. Курбатов, Н. Резникова, М. Шапиро, А. Амфитеатров) и реалистическая (О. Голубцова, С. Кузнецов, Н. Покровский). Выбранная позиция задавала тон суждениям о личности писателя и его жизненной драме, художественном методе и значении гоголевского творчества в целом.

В литературной среде русского Харбина М.Ю. Лермонтов, наряду с Гоголем, был воспринят в качестве одной из значимых фигур русской классической литературы. 1939 и 1941 годы были названы «лермонтовскими». К 125-летию со дня рождения поэта был приурочен День русской культуры, на котором читались доклады, посвященные поэту (Е.И. Квятковский, П.А. Казаков), декламировались его стихотворения, демонстрировалась лермонтовская выставка, подготовленная П.И. Савостьяновым. Вечера памяти Лермонтова прошли в Союзе казаков, Литературном кружке при Монархическом объединении, Женском кружке при Коммерческом собрании, Обществе изучения старого русского искусства. В 1941 году данью памяти поэта стало несколько вечеров, проведенных Христианским союзом молодых людей, Женским кружком при Коммерческом собрании и даже Союзом служащих торгово-промышленных предприятий.

В газетных и журнальных публикациях Лермонтов предстал в двух ипостасях: как человек и как художник. В его биографии была выделена тема дуэли и смерти. Статьи В. Горохова, К. Зайцева, С. Курбатова, М. Талызина, А. Яблоновского представляли разные версии событий. Два крайних полюса можно обозначить характеристиками – мученик и фаталист. Вне зависимости от выбранной позиции, авторы создавали «легендарную» биографию поэта. Эта же тема актуализировала размышления о роли рока в судьбе русских поэтов и привела к сопоставлению Лермонтова и Пушкина.

На этом фоне выделяются позиции А.П. Вележева, К.И. Зайцева и М.Л. Шапиро. Эти критики демонстрируют органическую связь с традициями Серебряного века, а именно с установкой на мифологизацию личности поэта. Используются такие приемы, как перенесение черт лирического героя ранней поэзии, или отдельных персонажей (Печорина, Демона) на личность автора; сопоставление писателя с одним из «культурных» героев эпохи (Байроном, Пушкиным), абсолютизация демонического начала в творчестве поэта. Истоком для мифологизации личности Лермонтова послужил также автобиографический миф, созданный в ранней лирике поэта.

В статьях «Душа русской поэзии. М.Ю. Лермонтов. 1814–1841» (Луч Азии, 1939, № 61/9), «М.Ю. Лермонтов. К столетию со дня смерти великого поэта» (Луч Азии, 1941, № 83/7) М.Л. Шапиро Лермонтов предстал как воплощение антиномичности русской души. Образ строится на оппозиции известных романтических символов: «земное–небесное», «добро–зло», «ангел–демон». Стихотворения «Ангел», «Демон», «Узник» цитируются в качестве основы для построения биографии. Автор дает религиозно-мистическую интерпретацию, согласно которой Лермонтов «самый горный из поэтов земли», «человеческий метеор», а его душа – «пришлица из иных миров», лишь временно заточенная в земной неволе. В представлении Шапиро Лермонтов как персонаж мифа принадлежит не только вечному миру, но и миру земному, что выразилось в его любви к родине, воплощенной в «Песне о купце Калашникове», стихотворениях «Бородино», «Два великана», «Опять народные витии», «Предсказание». При этом художественная эволюция Лермонтова определяется как путь от увлечения романтизмом Западом к глубинам национального духа. Для характеристики национальной самобытности Лермонтова Шапиро использует оппозицию «Пушкин – Лермонтов». Если Пушкин отразил в своих произведениях «национальный лик России», то о Лермонтове можно сказать, что «он сам, сама душа его – наиболее русское из русских явлений». В творчестве Лермонтова Шапиро выделяет три магистральные линии: 1) нравственную (борьбу добра и зла за душу человека); 2) религиозную («по-детски непосредственная чистая вера»); 3) патристическую.

В статье «Невысказавшийся гений» А.П. Вележев дает схожую с Шапиро трактовку личности и творчества Лермонтова. Основными чертами образа становятся религиозность, национальная самобытность и пророческий дар поэта. Но Вележев выступает против утвердившегося в русской религиозно-философской критике противопоставления Пушкина и Лермонтова как воплощения аполлинистического и дионисического начал. По его мнению, лермонтовский путь, как и пушкинский, – это путь от Диониса к Аполлону, то есть от бунтарства к примиренности, гармоничности и религиозности.

Но наибольшей глубиной отличались статьи К.И. Зайцева «Памяти Лермонтова» (1939), «К столетию смерти М.Ю. Лермонтова» (1941), «О «Герое нашего времени» (1941), где он говорит о Лермонтове как о «сверхлитературном» феномене. Критик создает концепцию «трагически

раздвоенного» духа, согласно которой душа поэта являлась средоточием борьбы демонических и религиозных начал, ни одному из которых не удавалось одержать окончательную победу. При этом демон трактуется как «духовно-мистическая реальность», а демонизм Лермонтова приобретает религиозно-философский смысл: «Да, Лермонтов всю свою короткую жизнь боролся с демоном, боролся реально с реальным демоном». В образах Демона и Печорина видится «реальность личного опыта, лишь облеченная в форму поэтического вымысла». Называя Лермонтова великим страждущим и мятущимся духом, Зайцев подчеркивает и необыкновенную тягу Лермонтова к Богу, которая сказалась в воспевании поэтом высшей из относительных ценностей – своего народа и, главным образом, в его уникальной способности «молиться в стихах». В этом последнем Зайцев видит отличие Лермонтова от романтиков и, в частности, от Байрона. Интересной представляется аналогия, проведенная автором между Лермонтовым и Чайковским. Оба они, по мнению Зайцева, больше, чем художники: «искусство не заполняет, а заменяет им жизнь» (День русской культуры. Харбин, 1939. С. 11, 15.).

Значительным вкладом в лермонтоведение стала опубликованная в Харбине книга В. Перемиловского «Лермонтов» (1941), в которой он дает принципиально новый подход к роману «Герой нашего времени» и его главному герою Печорину. Если ранее исследователи, относя Печорина к типу лишнего человека, пытались найти обоснование во внешних причинах (Николаевская эпоха, крепостное право, барство), то Перемиловский пытается доискаться до внутренних психологических причин. Проводя сравнительный анализ сочинения Кьеркегора «Или-или» и романа «Герой нашего времени», исследователь показывает, что Печорин и Иоганнес восходят к общеевропейскому типу Дон-Жуана, но представляют собой тип «новой формации» – Дон-Жуана-эстетика.

Анализ критических материалов в периодике показывает, что оппозиция Достоевский – Толстой – имела для эмиграции напряженный смысл. Противопоставленность этих двух великих русских писателей рассматривается на примере статей В.Н. Иванова, Н.С. Резниковой, Г.Г. Сатовского-Ржевского, М.Л. Шапиро, докладов В.Ф. Иванова, О.П. Калугиной.

Если для работ о Ф.М. Достоевском характерно внимание к христианскому миросозерцанию писателя, соотнесенность творчества Достоевского с его нравственно-философскими идеалами, то в публикациях о Л.Н. Толстом обсуждаются его моральное учение, уход и трагическая смерть писателя. Благодаря своей свободе от идеологической цензуры и возможности оставаться в рамках христианско-православной традиции, эмигранты изучали морально-философское содержание творений русских классиков. В творчестве Достоевского они на первый план выдвинули тему политического нигилизма и своеволия («Бесы»), а также романы «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», где проповедуются идеи христианства; но в творчестве Толстого вызывало отторжение его

нетрадиционные религиозные воззрения. Это видно на примере статей Н. Резниковой, Г.Г. Сатовского-Ржевского, М.Л. Шапиро. В свете исторических катаклизмов, происходящих в России, противопоставляя Достоевского его великому современнику, эмигранты особую ценность придали «русской идее» Достоевского, суть которой связывалась с православным сознанием русского народа. Резникова отмечала, что путь спасения от «внутреннего сатанизма революции» Достоевский ищет «в стихии народной веры» (Заря, 1943, 9 марта). На взгляд В.Ф. Иванова, «русская идея – это всесветное единение во имя Христа» (Заря, 1941, 3 марта). Таким образом, значение Достоевского для современности заключается в идее религиозного возрождения России.

Пожалуй, самое серьезное исследование Толстого предпринял К.И. Зайцев в книге «Толстой как явление религиозное» (Харбин, 1937). Автор анализирует религиозное сознание Толстого, обосновывает сущность расхождения Толстого с православной церковью. В то же время Зайцев пытается найти единую платформу для Толстого-художника и Толстого-моралиста. Ею становится «самость» Толстого. Зайцев выделяет внешнюю и внутреннюю «ограниченность» Толстого-мыслителя. Внешняя сказалась в том, что «Толстой был воплощением дворянско-крестьянской России и только ее»; внутренняя в том, что «уже в исходном естестве своем быт Толстого лишен конечного морального смысла». Отрицательная оценка толстовского учения связана с мыслью о рационализме Толстого. Толстой отверг искусство, так как рационализм не позволил ему увидеть смысл в том, что изображал Толстой-художник в процессе «бытооткровения».

Подразумеваемая Зайцевым «самость» Толстого предстала в виде «гордыни праведности». Критика толстовского учения осуществляется доказательством его противоположности христианству и близости стоицизму, а также идеям Просвещения («мысль о разумности и природной благостности» человека). Отпадение от Христа (возвышая учение Христа, Толстой низвел «его личность до уровня других пророков и учителей – среди которых Толстой видит и свое место»), и превращение христианства «в чисто моральное учение», привело Толстого к тому же, что было характерно для стоиков – «поклонение богу добродетели». В отличие от символистской и религиозно-философской оценки Толстого-моралиста, авторы которой выделяли в учении Толстого и положительный и отрицательный смысл, Зайцев приходит к полному отрицанию, и потому заключает мыслью о «великой ответственности в деле обращения с его духовным наследством».

Эмигрантская критика развивала понимание тех аспектов творчества двух писателей, которые уже нашли отражение в русской философской мысли конца XIX – начала XX века. Достоевский и Толстой – это два возможных пути исхода русского народа, русской национальной культуры; эти пути принципиально отличаются, различается духовное содержание этих путей, – такова итоговая мысль русских эмигрантов о классиках. Пути, предложенные великими русскими «духовидцами», легкими не назовешь. Что

там, что здесь русского человека ожидают неожиданные повороты судьбы, сомнения, трагические боренья. Но что с ясностью можно сказать, так это то, что один из них (путь Достоевского) ведет к возвышению до Бога, а другой (путь Толстого) – чреват социальным и этическим нигилизмом; здесь даже неповторимый художественный талант Толстого бессилен перед неизбежной утратой.

Вторая глава «Личность и творчество А.С. Пушкина в культурной жизни и критике «русского Харбина» посвящена исследованию рецепции личности и творчества Пушкина дальневосточной эмиграцией с опорой на литературно-критические публикации журналов «Рубеж», «Луч Азии»; газет «Заря», «Русское слово», «Рупор», сборника «Пушкин и Россия» (Харбин, 1937) и Дней русской культуры в их связи с Пушкиным. Вторая глава состоит из разделов: «День русской культуры (1926–1945): рождение «пушкинского мифа», «Пушкинская биография на страницах периодических изданий», «Оппозиция «советское–эмигрантское» в юбилейной пушкинистике», «Дальневосточная эмиграция о современном значении Пушкина», «Духовная личность» Пушкина в философско-религиозной интерпретации: К.И. Зайцев, архиепископ Нестор».

На основе публикаций в газетах «Заря» и «Рупор» восстанавливаются страницы культурной жизни дальневосточной эмиграции, связанные с именем Пушкина. Прослеживается история Дней русской культуры в рамках изучения пушкинианы. Проводимые ежегодно празднования были связаны с именем русского классика. Они приурочивались ко дню рождения Пушкина. В ходе исследования уточняются хронологические рамки проведения Дней русской культуры в Харбине. Необходимость этого вызвана разночтениями, существующими в работах по дальневосточной эмиграции и справочных изданиях по литературе русского зарубежья¹.

Приобщение русских харбинцев к празднованию Дней русской культуры происходило постепенно. Если в 1926 и 1927 годах в торжествах участвовал достаточно узкий круг интеллигенции, то, начиная с 1929 года, празднования приобрели масштабный характер. В 1930 году появился постоянный организатор праздника, инициативу его проведения взял на себя Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ). Кроме того, комитетом выпускались однодневные издания «День русской культуры», в которых помещались статьи, посвященные памятным историческим датам и деятелям русской культуры. В «Литературной энциклопедии русского зарубежья», издании солидном и авторитетном, зафиксированы выпуски только за 1931, 1933–1937 и за 1939 годы. Сказано также, что первый выпуск появился в Харбине 15 июня 1930 года. Эти данные получены на основе фондов библиотек Москвы. Фонды Государственного архива Хабаровского края позволяют уточнить, что действительные сроки выхода таковы: 1930–1942. В

¹ Бузуев О.А. Очерки по истории литературы русского зарубежья Дальнего Востока (1917–1945). М., 2000; Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. М., 2005; Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940 / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. Т. 2. М., 2000.

1941 года газета не вышла, так как в этом году не был проведен День русской культуры.

В диссертации особое внимание уделяется мероприятиям, приуроченным к столетию со дня смерти А.С. Пушкина. Пушкинские торжества 1937 года в Харбине вылились в цикл вечеров и школьных утренников. О глубокой увлеченности идеей сохранения русской культуры и Пушкиным, как ее выразителем, свидетельствует и то, что наряду с общеэмигрантскими празднованиями, День русской культуры проводился параллельно в рамках отдельных учреждений и организаций: Педагогического института, Первого Харбинского реального училища, Второго русского начального училища, гимназии имени Ф.М. Достоевского, харбинского отделения Союза русских академических организаций за границей, Русского учительского общества, Русского студенческого общества, литературного объединения «Чураевка». В диссертации впервые приводятся сведения об этих мероприятиях.

В качестве выразителя идеи национального праздника, как было сказано, был выбран Пушкин. Это послужило причиной того, что его личность и творчество стали объектом самого пристального внимания. На празднованиях обозначился круг проблем, волновавших русскую диаспору Харбина: «Пушкин и Россия», «Пушкин и религия», «Патриотизм Пушкина». Таким образом, в центре оказались не проблемы поэтики или стиля, а идейное содержание художественных произведений Пушкина, а также мировоззрение их автора, своеобразно преломившиеся в сознании эмигрантов. Обращаясь к знаковому для русских людей имени, эмигранты пытались найти ответы на волнующие вопросы современности: о мессианском предназначении России и путях возрождения родины, о национальной самоидентификации и воспитании молодого поколения. Пушкин становится рупором общественно-политической программы русской диаспоры и «орудием» борьбы против метрополии.

На тематику, содержание статей о Пушкине оказало влияние несколько факторов: 1) Пушкин, по замечанию М.Д. Филина, стал идеологией русского зарубежья², что способствовало мифологизации его личности; реальная биография художника эстетизировалась; 2) газетная специфика диктовала пушкиноведческие темы, ориентированные на читательские запросы, отсюда популярность биографических очерков и романизированных биографий. В харбинской периодике в этом жанре появились рассказы «Карантин», «Море» русского советского прозаика А.В. Шишко (1899–1956), «Бледный ангел» харбинской писательницы Н.С. Резниковой, «Арина Родионовна. Кто учил Пушкина языку русских просторов» и «Пушкин и декабристы в русской беллетристике» анонимных авторов. В этом же жанре были написаны повести «Пушкин и Собаньская» (Харбин, 1936) Н.С. Резниковой и «Косая Мадонна» (Шанхай, 1934) П.А. Северного; 3) в харбинской периодике разрабатывались

² Филин М.Д. Пушкин как русская идеология в изгнании // «В краю чужом...»: Зарубеж. Россия и Пушкин: Статьи. Очерки. Речи / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Д. Филина. М., 1998. С. 16.

частные аспекты пушкинской биографии: «Пушкин и Арина Родионовна, «Пушкин и женщины», «История дуэли и последние дни Пушкина». И хотя цель этих публикаций была популяризаторской, их тематический диапазон дает возможность увидеть те позиции, из которых складывалось представление о личности русского классика.

После событий 1917 года, когда Россия оказалась расколота на две части – на собственно территориальную Россию и «Россию вне России», личность и творчество Пушкина воспринималось в разных, порой противоположных смыслах. Правда, обе стороны Пушкину отводили роль центральной фигуры русской культуры, но принципы оценки личности и творчества поэта отличались. Показательным в этом отношении стал 1937 год. В метрополии – это год первого государственного пушкинского юбилея, ознаменовавший «возврат» Пушкина, своеобразное восстановление его в правах. Кроме того, 1937 год стал новой вехой в формировании пушкинского мифа. В советской юбилейной пушкинистике предстал образ декабриста, революционера и атеиста. Но в эмигрантской «системе координат» Пушкин был возведен в статус «духовного вождя», учителя и пророка. Оценка роли Пушкина в современной действительности четко обозначила идеологическое противостояние метрополии и зарубежной России. Одно из важных направлений юбилейной пушкинианы в дальневосточном зарубежье – стремление развенчать советский миф о Пушкине, что видно на примере статей Д.Г. Сатовского-Ржевского, А.И. Несмелова, К.И. Зайцева, В.В. Энгельфельда.

В статье «Пушкин – наше знамя» (1937) Д.Г. Сатовский-Ржевский выступил против фальсификации личности и творчества поэта. Автор выражает характерную для эмигрантов мысль о том, что Пушкин «органически чужд» и «просто враждебен большевизму». Однако, объясняя причину этой чуждости, критик руководствуется собственными монархическими привязанностями. Для него Пушкин – «певец Великодержавной, Императорской России». Таким образом, отрицая советский миф о Пушкине-революционере, автор находится в пространстве другого мифа о Пушкине. Противоположную позицию выразил В.В. Энгельфельд. В статье «Пушкин и русские классики в советской России» (1937) автор в качестве специфически-русской особенности классической литературы XIX века указывал на то, что отечественные писатели (и Пушкин в их числе) никогда не выступали защитниками интересов и выразителями идей своего класса, а служили общечеловеческим идеалам, защите «униженных и оскорбленных».

А.И. Несмелов в статье «Пушкин и Россия» (1937) обосновывает чуждость Пушкина советской России: «русский *национальный* гений» (курсив сохранен – З.П.) не может быть понят «в стране, где власть топчет все национальное и издевается над ним». Борьба с Пушкиным, которая не раз возникала в русской истории, является для Несмелова показателем другого процесса – борьбы с национальной культурой России. Художественные

произведения Пушкина приравниваются к текстам священного писания и обретают статус «национальной Библии».

Глубокое толкование пушкинская тема получает в статье «Борьба за Пушкина» (1937) К.И. Зайцева. В метрополии автор выделяет два потока, враждебных по отношению к «живому» Пушкину. Первый из них лежит на поверхности – это миф о «пролетарском», «революционном» Пушкине. Опасность этого потока, на взгляд Зайцева, заключается в том, что стремление подчинить культуру политике создает ложное представление о России в целом. Второй поток определяется как «более изощренный», «аполитический». К нему автор относит академическое пушкиноведение. Зайцев выступает против формального метода в исследованиях, против ученых позитивистского склада. Отношение автора к академическому пушкиноведению не было спонтанным. Еще в 1927 году в статье «Пушкин как учитель жизни» Зайцев выразил неприятие двух направлений в пушкиноведении – «биографического» и «технического» (подразумевая под ними тщательную разработку сокровенно-личных вопросов биографии поэта и скрупулезную фактографическую работу). Такая категоричная оценка академической школы обусловлена тем, что Зайцев придерживался религиозно-философской пушкинистики, которая ставила перед собой цель постижения духовной значимости личности и творчества поэта и его роли в русской культуре.

В восприятии эмигрантов Пушкин стал персонифицированным воплощением России: для В. Светлова – «императорской России», для А.И. Несмелова – «национальной России», для К.И. Зайцева – «не императорской России, не николаевской России», а «России как таковой». Вне зависимости от оттенков в представлении о России (а, следовательно, и ее дальнейшем пути), Пушкин стал значимым аргументом политической борьбы за родину. Кроме того, критикуя образ «советского Пушкина», эмигранты стремились повлиять на мировую общественность, создать органичное именно для них представление об отечественной культуре.

В эмигрантской среде по аналогии с феноменом «мой Пушкин» (В. Набоков, М. Цветаева) был создан новый феномен – «наш Пушкин» – образ, наделенный рядом устойчивых черт. Его создание было обусловлено таким коренным качеством русского сознания, как соборность. В юбилейной пушкиниане внимание было привлечено к национальной самобытности Пушкина, которая определялась как центральная черта личности и творчества поэта. В качестве ее проявлений были выделены:

1) «народность» языка Пушкина (эта идея проводится в статьях «Пушкин и русская нация», «Чудо бессмертного гения» Г.К. Гинса, «Русский народный дух в поэзии Пушкина» С.В. Еварестова, «Пушкин и родной язык» С.В. Кузнецова, «Пушкин и русская интеллигенция» архиепископа Нестора). При общности тезиса у названных авторов представлены разные варианты интерпретации. С.В. Кузнецов подчеркивал: поэт «впитал все лучшее», что было сделано до него Ломоносовым, Карамзиным и Жуковским.

С.В.Еварестов акцентировал, что «Пушкин первый овладел родником великого, могучего русского языка и слил воедино в своем творчестве струю поэзии народной с изящною литературою». Для Гинса мысль о том, что поэт создал доступный всем русский литературный язык, становится одним из аргументов для утверждения: «Многое из того, что создает нацию, дал нам Пушкин». И хотя роль, предписываемая Пушкину, выходит за пределы возможностей человека, она является органичной частью мифа о первом национальном поэте России;

2) изображение русской истории (этот аспект освещается в статьях «Пушкин и Россия» А.И. Несмелова, «Русское прошлое в произведениях А.С. Пушкина», «Идеалы А.С. Пушкина и современная действительность», «Пушкин и наша родина» Г.К. Гинса, «Поездка Пушкина в Оренбург и Уральск. История пугачевского бунта. «Капитанская дочка» И.Г. Акулинина). В представлении А.И. Несмелова и Г.К. Гинса значимо, что творчество Пушкина охватывает недоступный для других писателей широкий исторический контекст. Это приводит их к выводу о том, что Пушкин организует русское национальное самосознание. Исторические образы, воссозданные Пушкиным, глубже проникают в сознание, так как, благодаря специфике художественного творчества, они дают живописно-яркое представление о прошлом. В суждениях дальневосточных эмигрантов выявились и предпочтения. И.Г. Акулинин и Г.К. Гинс особенно важным считают правильную характеристику, данную Пушкиным Петру Великому и пугачевскому бунту. В образе Петра видится «создатель Российской Империи» (И.Г. Акулинин), государственный деятель, проложивший «окно в Европу», укрепивший военную мощь страны и ее международное значение (Г.К. Гинс). История пугачевского бунта воспринималась по-разному. И.Г. Акулинин, сравнивая образ Емельяна Пугачева в «Истории пугачевского бунта» и в «Капитанской дочке», показывает их разность. В первом случае перед нами бунтовщик, злодей, самозванец, «дерзнувший принять на себя имя покойного Государя Петра III», во втором – легендарный народный герой. Образ Пугачева в «Капитанской дочке», созданный с установкой на легенду, на взгляд автора, более совпадает с исторической правдой, чем тот, каким он изображен в «Истории Пугачевского бунта», – с опорой на официальные документы. Г.К. Гинс в пушкинском описании пугачевского восстания увидел предостережение о «беспощадности» русского бунта, пророчество об опасности революционных преобразований. О роли толпы и отношении к ней Пушкина писал и Н.И. Никифоров. Обращаясь к поэтическим произведениям «Деревня», «Отрывок», «Поэту», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Чаадаеву», он доказывает, что понятия народ и толпа у Пушкина часто выступают как синонимы, особенно если речь идет о непросвещенном «бессмысленном» народе, и заключает: поэт принципиально отрицает демократию как власть толпы, косной и невежественной, а также революции;

3) отображение Пушкиным черт русского национального характера и создание национальных типов. А.И. Несмелов обратил внимание на тип русского интеллигента и русской женщины, описанных поэтом. Г.К. Гинс приписывает классику веру в случай и судьбу.

Сквозь призму выделенной темы (национальная самобытность Пушкина) понимаются определения: «Пушкин-пророк» (провидел, что путь России – это путь сохранения и развития национальной культуры), «Пушкин-учитель» (является носителем жизненной философии, той философии, что органична для эмигрантов); «Пушкин-воспитатель» (описывает основы национального семейного воспитания). Для юбилейной пушкинистики характерно и другое – установление личностного контакта с русским классиком, восприятие его в качестве «современника».

В работе в особый раздел выделяются статьи архиепископа Нестора и богослова К.И. Зайцева, посвященные религиозности Пушкина. Проблема, затронутая авторами, привлекала многих критиков и философов-эмигрантов (С. Булгаков, И.А. Ильин, А. Карташева, Г. Федотов, С.Л. Франк) и воспринималась в русском зарубежье в целом как «новое слово», сказанное о Пушкине. Тема эта в то же время характеризовала искания самих эмигрантов, абсолютизовавших в условиях изгнания потенциал православного отношения к миру. О значении православия в жизни «русского Китая» свидетельствует и то, что здесь проводились не только Дни русской культуры (8 июня), связанные с именем Пушкина, но и Дни христианской русской культуры (15 июля), центром для которого был Св. князь Владимир.

В среде дальневосточных эмигрантов представлены две концепции религиозности Пушкина. Первая из них принадлежит архиепископу Нестору (в миру Анисимов Николай Александрович), напечатавшему статьи «Пушкин и пути русской интеллигенции» (1929), «Митрополит Филарет» (1930), «Пушкин и митрополит Антоний», «Праздник русской культуры» и «Пушкин и современность» (1937). В интерпретации архиепископа духовный путь Пушкина предстает как путь к православному мирозерцанию. Переломным этапом обозначается середина жизненного пути, именно в это время, на взгляд Нестора, Пушкин подошел к «священному истоку русской культуры – святой церкви». На пути к православию вехой в духовной биографии поэта признается стихотворный диалог митрополита Филарета (Дроздова) с поэтом. Благодаря «руководящей» роли митрополита, Пушкин стал «выразителем всего самого лучшего во внутренней жизни русской нации». Не придерживаясь мнения об абсолютной гармоничности Пушкина, архиепископ указывает на присутствие в ней и «нравственных падений» и «высочайших вершин духа». Эти контрасты и перепады представляются ему органичными для русского менталитета, более того, они «отображают исторический путь нашей родины». Из статей архиепископа Нестора следовало, что понятие «национальный поэт» включает в себя христианское мировоззрение. Пушкин лучше, чем кто бы то ни было, смог выразить русский дух, поскольку «сердце поэта» «стало поистине храмом православной русской культуры». Такой

взгляд на Пушкина проистекал не из анализа поэтических произведений Пушкина, а из представления архиепископа о русской культуре в целом. Русская культура в понимании архиепископа Нестора, это, прежде всего, культура православная, истоком которой является «святая Церковь». Именно поэтому мысль о Пушкине как о национальном поэте России («святилище русского духа») складывается в новую формулу: Пушкин – православный поэт.

Сложной предстает идея религиозности Пушкина в статьях К.И. Зайцева «Пушкин как учитель жизни» (1927), «Религиозная проблема Пушкина» (1937), «Куда ведет нас Пушкин» (1937), «Жив ли Пушкин» (1962). Значимость рассмотрения всех статей (даже не укладывающихся в период «китайской» эмиграции) обусловлена необходимостью проследить эволюцию его представлений, сформулировать целостное представление об отношении автора к религиозности Пушкина.

В первой статье Зайцев определяет Пушкина как «благостного и благодатного христианина», которому вера была дана изначально. В этом его отличие от Гоголя, Достоевского и Толстого – писателей, шедших к вере через горнило мук и сомнений. Целостность религиозного мировоззрения Пушкина, по мнению Зайцева, в том, что он был «бытийно добр» и «духовно здоров». Религиозность поэта проявилась в его открытом и благодарном «приятии Божьего Мира», в том синтезе «правды, красоты и добра», который составляет философско-этическую основу его творчества. Внешним выражением религиозного мирозерцания поэта являются «пафос малых дел, подвижничество обыденной жизни и пафос служения высшим ценностям». Гармония пушкинского художественного мира сближается с гармонией его религиозной веры. Позиция Зайцева здесь пока представлена в общем виде, не аргументирована обращением к конкретным художественным произведениям, религиозность поэта интерпретируется как статичное состояние духа и утверждается априори.

В работе «Религиозная проблема Пушкина» Зайцев не только выстраивает целостную концепцию, но и пытается найти ответы на вопросы, вызывавшие споры при определении мирозерцания поэта. Зайцев приходит к пониманию многосложности жизненного пути Пушкина. При всей внешней веселости, радости, отзывчивости, в Пушкине присутствовали и сомнения, и чувства непримиренности и безнадежности, но христианская вера всегда «тлела в его душе подспудно». Судить о религиозности Пушкина, на взгляд Зайцева, можно на основе его поэтических признаний. Именно в таких шедеврах, как «Отцы пустыnnики и жены непорочны», «Монастырь на Казбеке», «В начале жизни школу помню я», «Пора, мой друг, пора», «приоткрыта» «биография его души». Зайцев отрицает наличие эмпирической биографичности в творчестве Пушкина. Он выделяет в нем два слившихся свойства: «душевную подлинность» и «художественную обезличенность». Значимыми представляются и суждения критика о «всеотзывчивости» Пушкина. Он указывает на способность поэта «к глубинному восприятию

чужой правды» даже в явлениях религиозного характера, на принципиальную диалогичность пушкинских произведений. Но правда Пушкина, по мнению Зайцева, не была «синтезом» изображенных правд, так как при многоголосии (когда «каждая правда говорит за себя») невозможно сказать, с какой из них соотносит себя поэт. Всеотзывчивость Пушкина не говорит об отсутствии у него «морально-религиозного хребта», наряду с переимчивостью поэт обладал способностью «самоотречения от своей личности». Через проникновение в чужую правду Пушкин шел к открытию своей правды. И это была правда христианская.

Уже после того, как Зайцев был пострижен в монахи и наречен архимандритом Константином, он написал статью «Жив ли Пушкин», где философская пушкинистика граничит с богословской. Значение «земного делания» Пушкина определяется тем, что он стал «рупором национального самосознания», «воплощением национальной Совести». По мнению архимандрита Константина, «в свете Невечернем... померкло великое жизненное делание» Пушкина. Высшим критерием оценки личности поэта становится вера, устремленность к Богу. «Жизнь Пушкина, его биография – это история, былое, протекшее, ушедшее. Смерть его – живет и сейчас. Она не просто венчает его биографию, она является светоносным началом новой жизни – Жизни». И если в предыдущей статье смерть Пушкина представлена как смерть христианина, как конец жизни, то здесь она воспринимается как переход в инобытие.

В заключении подводятся итоги исследования, намечаются перспективы дальнейших исследований, связанных с данной темой.

Критика «русского Харбина» принципиально отличалась от критики, существовавшей в западной эмиграции, но отличалась лишь по своей форме и способам общения с читателями, а в существе, по идеям имела с ней много общего. Формальное отличие было обусловлено отсутствием специальных печатных изданий, сосредоточенных на художественной литературе. Вряд ли удастся встретить в критике дальневосточной эмиграции освещение каких-либо специальных проблем, связанных с биографией и творчеством писателей. Все же феномен литературной критики в связи с культурным и эстетическим бытием названной ветви эмиграции реально существовал, а, следовательно, он необходимо требовал своего осмысления. К тому же, было важно определить место этой критики в литературном процессе русского зарубежья и в целом – русской литературы.

В эмиграции существовали такие формы диалога с русскими писателями, которые достойны пристального внимания и, может быть, возрождения. Имеется в виду чуть ли не повседневный, «бытовой» интерес к классике. Эмигранты буквально жили и мыслили русской литературой. Эта интимность в обращении с культурным наследием поразительна. Более того, именно их личностное отношение к классике дает возможность говорить о том, что они воспринимали русских писателей в качестве своих «путеводителей». Культурно-историческое, духовное, эстетическое самоопределение восточной

ветви эмиграции было невозможно без освоения богатого опыта русской классики. Дальневосточные эмигранты именно в русской классике искали ответы на актуальные для их времени вопросы.

Ведущая роль в культурной и литературной жизни дальневосточной эмиграции была отведена А.С. Пушкину, воспринятому в качестве символа единения русских без России. Пушкин был центральной фигурой главного национального праздника зарубежной России – Дня русской культуры. В эмиграции Пушкин был вознесен до уровня божества, объявлен пророком, а его книги «национальной Библией». Конечно, такого рода определения могут и должны быть восприняты в качестве «общего места», которое, как и подобает мифу, враждебно расчленению, аналитическому проникновению. Но, известно, что между двумя крайностями лежит не истина в ее объективности, а проблема.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Пасевич, З.В. Пушкинский юбилей 1937 года в русском Китае // Русская литература. – Санкт-Петербург: Изд-во «Наука», 2008. – № 2. – С. 86–93.

2. Пасевич, З.В. В.Н. Иванов о Н. Гумилеве и А. Блоке // Актуальные проблемы современного литературного образования: материалы Всерос. науч.-метод. конф. / Отв. ред. А.М. Антипова. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2006. – С. 140–151.

3. Пасевич, З.В. М.Ю. Лермонтов в поэтическом восприятии А. Несмелова и А. Ачаира // Литература и диалог культур: материалы Международ. науч. конф. «Языковая политика и языковое образование в условиях межкультурного общения» / Отв. ред. В.Г. Мехтиев. – Хабаровск, 2006. – С. 33–44.

4. Зайцев, К.И. Памяти Лермонтова. К столетию смерти М.Ю. Лермонтова / Публ., примеч. В.Г. Мехтиев, З.В. Пасевич // Литература и диалог культур: материалы Международ. науч. конф. «Языковая политика и языковое образование в условиях межкультурного общения» / Отв. ред. В.Г. Мехтиев. – Хабаровск, 2006. – С. 112–130.

5. Пасевич, З.В. А.С. Пушкин в философской критике К.И. Зайцева // VIII Ручьевские чтения. Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе: исторический, теоретический и методологический аспекты: сб-к м-лов Международ. науч. конф. / Под ред. М.М. Полехина. – Магнитогорск, 2007. – С. 92–96.

6. Пасевич, З.В. Русская литература в критике китайской эмиграции // Вопросы методологии современного литературоведения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В.Г. Мехтиев. – Хабаровск: Изд-во ДВГТУ, 2007. – С. 139–149.

Пасевич Заряна Васильевна

**РУССКИЕ КЛАССИКИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Автореферат

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Подписано в печать 6.10.2008 г.

Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 1,39.

Тираж 100 экз. Заказ № 107.

Издательство Дальневосточного государственного
гуманитарного университета
680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68.

Отдел оперативной полиграфии издательства ДВГГУ
680000, г. Хабаровск, ул. Лермонтова, 50.

